

В.К.Мусин

Руптуризм как социокультурный процесс в Чили в конце 1960-х — начале 1970-х годов

В конце 1960-х годов во многих странах мира прошли студенческие протесты, позже ставшие частью «культурной революции 1968 г.» В данной статье анализируется чилийский вариант этого явления — руптуризм, значительно повлиявший на всю последующую историю социума. На основе интервью свидетелей, а также газетных статей делается вывод, что руптуризм — это во многом ментальный поколенческий конфликт, который привел к разделению общества на сторонников старой и новой системы ценностей.

Ключевые слова: Чили, культурная революция, «долгий '68», студенческие движения, руптуризм.

DOI: 10.31857/S0044748X24020082

Статья поступила в редакцию 23.06.2023.

Событиям студенческих протестов конца 1960-х годов и культурной революции в Чили посвящено множество исследований. К примеру, можно выделить работы П.Барр-Мелея [1], К.Унеуса [2], М.Шлоттерберка [3], С.Мартинеса [4], Х.Фермандойса [5] и Г.Саласара [6]. Проблематика молодежных движений затрагивалась также в статьях российского историка А.А.Щелчкова [7; 8]. Тем не менее тема ментальности «поколения 68» стала популярной сравнительно недавно — как из-за стремления проанализировать сознание правящей элиты (к примеру, Тони Блэр, Никола Саркози, Луис Инасиу Лула да Сильва и многие другие мировые лидеры сформировались именно под влиянием «культурной революции 1968 г.»), так и из-за новых кризисов и протестов, имевших место в конце 2000-х — начале 2010-х годов. Не углубляясь в идеологические баталии, можно с уверенностью говорить о том, что тема студенческих протестов и конфликта поколений остается актуальной.

Методологической основой данной работы являются сравнительный и контент-анализы интервью свидетелей событий конца 1960-х годов и оцифрованные газетные публикации того же периода. Данные методы да-

Вадим Кириллович Мусин — студент магистратуры 1 курса; **Российский государственный гуманитарный университет** (РФ, 125047 Москва, Миусская пл., д. 6; vadimusin@ Rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5090-4251>).

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Влияние культурной революции 1968 г. на новейшую политическую историю Бразилии, Аргентины и Чили» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ют возможность выявить разницу между восприятием мира младшим (бей-би-бумерами) и старшим поколениями. В чилийской историографии политический конфликт между представителями «новых» и «старых» левых принято называть руптуризмом (исп. *rupturismo*, от слова *ruptura* — разрыв, перелом); впрочем, стоит отметить, что схожие термины использовались не только чилийцами, но и, скажем, швейцарцами [9, р. 83]. В то же время представляется, что чилийский руптуризм был, скорее, частью культурного и ментального слома, нежели политического, и распространялся не только на представителей левого политического спектра. Для доказательств данного тезиса целесообразно выявить социально-экономические основы, изменившие жизнь чилийцев в 1950—1960-е годы; как изменилась внешняя культурная среда, влиявшая на чилийцев в указанный период; и, самое главное, как к молодежной культуре относилось старшее поколение.

Развитие экономики являлось важной предпосылкой для появления руптуризма. После окончания Великой депрессии страна выбрала путь «развития вовнутрь», начав импортозамещающую индустриализацию. После Второй мировой войны и в особенности с 1950-х годов наблюдалась бурная миграция сельского населения в основные города Центральной долины, главным образом в Сантьяго и Вальпараисо (в среднем рост городского населения в период с 1940 по 1980 г. составлял 3%: если в 1940 г. 52% населения жило в городах, то к 1980 г. этот показатель достиг 80% [10, р. 259]). Мигранты из сельской местности селились в многоквартирных домах и городских трущобах в пригородах, нередко деля эти помещения не только со своей семьей, но и друзьями или дальними родственниками. Будучи горожанами в первом поколении, они, с одной стороны, уже не входили в аграрные сообщества, но с другой — еще не успели в полной мере стать городскими жителями. Привлечение на свою сторону «новой бедноты» (как их начали называть) стало важной целью левых движений и партий, в чем они преуспели. «Олеветию» также способствовало и изменение ментальности новых горожан: свои беды они стали воспринимать не как личные неудачи, а как проблему окружающего их мира [11, р. 271].

Средний класс также изменился. Стал меняться его состав: если до 1950-х годов он состоял в основном из мелких торговцев и ремесленников, производивших товары и услуги как для преобладавшего сельского населения, так и для жителей крупных городов, то в 1950-х годах начинается заметное ослабление влияния представителей «старого» среднего класса. Им на смену стали приходить профессиональные работники, «белые воротнички», не занятые физическим трудом и обладающие специальной квалификацией. «Новый» средний класс также значительно отличался от «старого» тем, что был сформирован спросом на абсолютно новую сферу услуг, самим фактом своего зарождения ускоряя социальные перемены: офисному работнику или администратору нужны были не сапожник и крестьянин, а горничная и автомеханик. Пролетариат также претерпел значительную трансформацию. С расширением промышленного производства и его качественным изменением становились востребованы и более сложные навыки, недоступные для простого рабочего-ремесленника.

В этом контексте значительно возросла роль сферы высшего образования как главного социально-политического актора. Впрочем, данное явление само по себе не было эксклюзивным для Чили в частности или для Латинской Америки в целом. Французский социолог А. Турен писал, что на фоне отхода отношений рабочих и профсоюзов на второй план именно студенческие объединения взяли на себя руководящую роль в прогрессивном левом движении во всем мире [12, р. 95]. Однако возросшее влияние

молодежных организаций нельзя трактовать исключительно с точки зрения изменения экономической ситуации.

Руптуризм во многом возник из-за радикального изменения культурного и политического контекста. Хотя чилийское студенчество в принципе было крайне активным в политике в XX в., сыграв заметную роль в принятии Конституции 1925 г., оно оставалось в границах партийных организаций и являлось хотя и важной, но не основной частью большой политики. В 1950-е годы ситуация стала меняться: в политически активный возраст вошли бейби-бумеры, которые не застали политическую турбулентность в 1920-е и 1930-е годы и выросли в начавшуюся после войны эпоху массового телевидения и радиовещания. Многие мировые события 1960-х годов (Карибский кризис, Второй Ватиканский собор, война во Вьетнаме и пр.) активно освещались и обсуждались в чилийских СМИ [13, p. 393]. Молодые люди использовали символы эпохи для выражения своей позиции: во время студенческих протестов 1967—1968 гг. за университетскую реформу левые вывешивали на баррикадах флаги Северного Вьетнама, солидаризируясь с борьбой Вьетконга, а правые, позже, рисовали на стенах домов лозунги «Грядет Джакарта» или просто «Джакарта!», отсылая к перевороту военных в Индонезии в 1965—1966-х гг. [14, p. 265]. Примечательно и то, что триггером массовых протестов в 1967 г. стали публикации в консервативной газете *El Mercurio*, после которых появился важный для истории чилийской оппозиции лозунг «Чилиец! *El Mercurio* лжет!» (*Chileno: El Mercurio miente*) [13, p. 394]. Материалы СМИ до этого никогда не становились «спусковым крючком» для начала протестов.

События конца 1960-х годов стали основной причиной появления левых руптуристских, т.е. тех, кто хотел покончить с устоявшимися политическими традициями и организациями, — Левого революционного движения (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR*), Движения единого народного действия (*Movimiento de Acción Popular Unitario, MAPU*) и др. Однако к руптуристским партиям можно отнести и правые: Гремалистское движение (*Movimiento Gremial de la Universidad Católica de Chile, MGUC*) и появившуюся позже остальных Родину и Свободу (*Patria y Libertad, PyL*), поскольку они точно так же не разделяли «старый» дискурс, о чем будет подробнее сказано ниже.

С «глобальным 1968» чилийский руптуризм связывает многое. Несмотря на то, что студенческие протесты начались здесь раньше, чем в Европе, по своему духу они были близки к европейским: в Чили, как и во Франции или в ФРГ, протесты быстро обрели антиправительственный характер, перейдя в терминальной фазе в межпоколенческий конфликт. Важным показателем этого конфликта может служить отношение «старых» левых и правых к моде и молодежной культуре в широком смысле. Сальвадор Альенде (1970—1973 гг.) очень высоко оценивал значимость культуры в политической борьбе. Показателем широко известный проект «Новая песня» (*Nueva Canción*), участники которого выступали в поддержку Народного единства (*Unidad Popular; UP*). Но тем не менее нельзя сказать, что коалиция левых во всем следовала логике культурной революции 1968 г. Стремясь, в своем понимании, к культурной социалистической революции, «старые» левые принципиально не ставили под сомнение многие культурные ценности, которые, как считалось, были общепринятыми.

Контркультура, включая культуру хиппи, была важным явлением в 1960-х годов. В августе 1969 г. в США состоялся фестиваль Вудсток, оказавший заметное влияние на мировую культуру. Повсеместно стали проходить «национальные Вудстоки», на которых собиралось множество участников и зрителей. Чили не было исключением. В октябре 1970 г. в Сантья-

го прошел фестиваль *Piedra Roja*, по разным оценкам собравший от 5000 до 40000 человек [13, p. 401]. Чилийские хиппи в основном концентрировались в зажиточном районе Провиденсия и в центре столицы, в парке Форесталь. Если в Провиденсии собирались выходцы из богатых слоев населения города, то в Форесталь приходили все: и местная богема, и студенты, и рабочие. Однако этот факт не останавливал критиков из Коммунистической партии Чили (*Partido Comunista de Chile, PCCh*). Для многих старых марксистов контркультура хиппи была слишком «буржуазной», недостаточно радикальной, ей не хватало классовости. Колумнисты партийной газеты *El Siglo* клеймили организаторов фестиваля *Piedra Roja* за «подражательный и импортированный характер», утверждая, что они скопировали музыку и эстетику Вудстока и привлекали к участию «молодых людей из состоятельных буржуазных семей» [15]. Другая чилийская левая газета — *Puro Chile* — еще более критично относилась к *Piedra Roja*: «Им (организаторам. — В.М.) безразличны наши национальные проблемы, они продемонстрировали абсолютную индифферентность к нуждам народа и, по всей видимости, являются пособниками реакционной политики» [16].

Внутри коалиции *UP* и в медиа часто шли дебаты по поводу «культурного освобождения». Те левые, которые критиковали *Piedra Roja*, занимали вполне консервативные позиции в появившихся в 1960-х годах вопросах «новых ценностей», особенно тех, которые касались сексуального раскрепощения. Темы сексуальности, индивидуальной свободы, гендерных проблем объединяли студенческие движения 1968 г. и в дальнейшем стали основой ментальности «поколения 68». Старая коммунистическая гвардия в этом плане не разделяла ценности своей молодежи, наоборот, осуждала их и подвергала резкой критике. Для «старых» левых сексуальная свобода (особенно женщин) была недугом, наравне с длинными волосами, употреблением марихуаны и «кимпортной» рок-музыкой. Впрочем, такая критика была свойственна не только чилийским «старым» левым. К примеру, их коллеги из Французской коммунистической партии (*Parti communiste français, PCF*) активно критиковали свое молодое поколение за те же самые «грехи» [9, p. 189]. Фестиваль *Piedra Roja* особенно озаботил сторонников традиционных ценностей. Левая пресса была встревожена тем фактом, что марихуана и общая «атмосфера разврата» якобы вдохновляли молодых людей заниматься сексом в толпе. Подобные разговоры часто были частью более широкого дискурса вокруг необходимости сохранения традиционной семьи [1, p. 168].

«Старые» правые были солидарны со своими противниками в вопросах морального упадка молодежи и опасности контркультуры. Журналисты газеты *El Mercurio* критиковали западное общество за «упадок культуры». Знаковой вехой упадка, по мнению редакции, стал документальный фильм «Вудсток: три дня мира и музыки», премьера которого в Чили состоялась в сентябре 1970 г. Именно из-за этого фильма, по мнению правых, чилийская молодежь решила провести похожее мероприятие у себя на родине. *El Mercurio* практически слово в слово вторила коммунистам: «Все это говорит нам о своего рода моральной денационализации, кризисе семейных ценностей и об утрате самобытности молодыми людьми» [17]. Впрочем, фильм про Вудсток не был единственным, подвергавшимся критике и слева, и справа: в 1968 г. чилийский режиссер Альваро Ковакевич снял эротический фильм *New Love: La Revolución de las Flores* о «чистой любви» парня и девушки. Рецензенты из *El Siglo* спросили автора, не является ли его произведение формой эскапизма перед лицом реальных проблем, на что А.Ковакевич дал развернутый ответ: «Молодежь выдвигает формулу, против которой не могут бороться ни сила, ни жестокость: любовь, молчание и

сомнение... Такое отношение — единственное по-настоящему революционное (Это. — *В.М.*) — не капитализм и не коммунизм, которые являются традиционными позициями, а, скорее, искренний поиск основных человеческих ценностей, любви в ее самой чистой и примитивной форме» [1, p. 70].

На фоне критики со стороны СМИ внешние атрибуты стали только популярнее среди радикально настроенной молодежи. Члены *MIR* и *PyL* часто отращивали волосы и бороды [13, p. 404]. Обе организации примечательны еще и тем, что действия их сторонников отражают «атмосферу 1968 г.». Радикальные протестующие предпочитали акции прямого действия старой партийной работе и анализу институциональных недостатков. Мигель Анхель Солар, бывший президент Федерации студентов Чили и руководитель захвата Католического университета в 1967 г., сравнивая студенческие митинги 1960-х и 2010-х годов, выделяет их отличия: «Что наиболее примечательно, так это то, что эти ребята (протестующие в 2011 г. — *В.М.*), которые боролись за качественное образование, изучали Конституцию, анализировали законы, исследовали документы министерства (образования. — *В.М.*), чего мы никогда не делали» [18].

Отказ от участия в политике через традиционные структуры также связан с разочарованием молодежи в старой политической элите. Член Академии истории Чили и профессор Католического университета Хоакин Фермандойс так описывает свой первый опыт голосования на выборах: «Я усвоил огромный урок в ночь на 4 сентября 1970 года: Алессандро лег спать и несколько дней не делал никаких заявлений. И никто их не сделал. Единственным, и мы должны это признать, кто выступил по телевидению, был Пабло Родригес (в 1971 г. он будет одним из создателей *PyL*. — *В.М.*). Это был мой первый голос, и я не мог в это поверить. Нужно было что-то сказать, что угодно, но избирателям нужно же хоть что-то сказать. Тогда я многое узнал о правых: я думаю, что это было неслучайно» [19]. Политической работе народные избранники предпочитали критику своих избирателей. В последние дни работы администрации Эдуардо Фрея (1964—1970 гг.), в середине октября 1970 г., депутаты инициировали расследование употребления наркотиков среди молодых чилийцев на фестивале *Piedra Roja*. Кроме того, правительственная газета *La Nación*, объявляя о расследовании, назвала сам фестиваль «оргией длинноволосых» [20].

Особенности кризисов традиционных правых и левых партий в публичной политике в 1960-е годы, как уже было отмечено выше, подробно рассматривались в статьях А.А.Щелчкова [7; 8]. Тем не менее нельзя не выделить следующее: и «новые» правые, и «новые» левые были противниками старого реформистского пути. Роберто Тиеме, генеральный секретарь *PyL*, говорил, что опирался на теорию фокизма Че Гевары ради достижения национальной революции [21]. Не стало исключением и гремиалистское движение Хайме Гусмана (во времена военной хунты Х.Гусман до 1980-х годов будет одним из самых значимых политтехнологов режима), которое ставило своей конечной целью радикальную деполитизацию общества, что предполагало отказ от всей старой политической традиции, погрязшей, по мнению Гусмана, в «демагогии» [22, p. 170].

Для понимания чилийского руптуризма также важна работа американского политолога С.Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах», опубликованная в 1968 г. Как утверждал автор, модернизация не способствует политической стабильности, а, скорее, наоборот, создает условия для кризисов и проверок на прочность политических институтов. Высокий уровень социальной мобилизации и резкое увеличение политически активного населения при низком уровне развития политической куль-

туры подрывают авторитет элит и власти [23, pp. 41-43]. В конце 1960-х годов в Чили происходили именно эти процессы. В те годы наблюдался всплеск общественных движений, участники которых были аполитичны, но стремились преобразить среду вокруг себя. До 2 млн молодых чилийцев слали волонтерами движения Добровольные работы (*Trabajos Voluntarios*), занимаясь строительством домов, дорог, улучшением ирригационной инфраструктуры, преподаванием в бедных районах [11, p. 261]. Следует упомянуть социологическое исследование, проведенное бельгийскими социологами А.Маттеляр и М.Маттеляр в том же 1968 г. Среди прочего авторы исследовали отношение молодежи к различным организациям и партиям. Политическая деятельность была на первом месте всего у 24% молодых людей и у 6% девушек [24, pp. 226-227]. Непонимание этих новых ценностей вместе с чрезмерно критическим к ним отношением и породили острый межпоколенческий конфликт, переросший в жестокое противостояние в 1970-е годы.

Подчеркнем, что в основе чилийского руптуризма — три элемента. Во-первых, смена социоэкономического контекста. Урбанизация и экономический рост в период импортозамещающей индустриализации привели к изменению потребностей чилийцев и их представлений о политическом участии. Во-вторых, к концу 1960-х годов выросло новое поколение; благодаря телевидению оно активно впитывало глобальные тренды и обладало иной ментальностью, которую не принимали люди старшего возраста. В-третьих, действия старой политической элиты повлекли за собой радикализацию молодежи и привели к тому, что она отказалась от участия в традиционных политических институтах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Barr-Melej P. *Psychedelic Chile: youth, counterculture, and politics on the road to socialism and dictatorship*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2017, p. 344.
2. Huneus C. *La Reforma Universitaria: veinte años después*. Santiago, Corporación de Promoción Universitaria, 1988, 109 p.
3. Schlotterbeck M. *Beyond the Vanguard: Everyday Revolutions in Allende's Chile*. Berkeley, University of California Press, 2018, 248 p.
4. Martinez S. *Entre Lenin y Lennon: La militancia juvenil en los años 60*. Santiago de Chile, Mosquito Comunicaciones, 1998, 122 p.
5. Fermandois J. *La Revolución Inconclusa, La Izquierda y el Gobierno de la Unidad Popular*. Santiago de Chile, Centro del Estudio Públicos, 2013, 851 p.
6. Salazar G., Pinto J. *Historia contemporánea de Chile*, vol. 5, Niñez y juventud. Santiago de Chile, LOM, 2002, 291 p.
7. Щелчков А.А. Маоизм в Чили в 60-е гг. Раскол в МКД и чилийские левые. *Латиноамериканский исторический альманах*. Институт Всеобщей истории РАН. М., 2022, №36, сс. 255-279. [Shchelchkov A.A. Maoizm v Chili v 60-e gg. Rascol v MKD i chiliiskie levye. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Institut Vseobshchei istorii RAN. Moscow, N36, pp. 255-279. (In Russ.).
8. Щелчков А.А. Чилийский либерально-консервативный синтез конца XX в. *Латиноамериканский исторический альманах*/ Институт Всеобщей истории РАН. М., 2017, №18, сс. 288-298. [Shchelchkov A.A. Chiliiskii liberal'no-konservativnyi sintez kontsa XX v. *Conservative-Liberal Synthesis in Chile at the end of XX-th Century*]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Institut Vseobshchei istorii RAN. Moscow, N18, pp. 288-298. (In Russ.).
9. Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М., Альпина нон-фикшн, 2020, 627 с. [Vinen R. *Dolgii '68: Radikal'nyi protest i ego vragi*. [The Long '68: Radical Protest and Its Enemies]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2020, 627 p.
10. De Oliveira O., Roberts B. *Urban growth and Urban social structure in Latin America. The Cambridge History of Latin America*. Vol. VI: Latin America since 1930: Economy, Society, Politics (ed. by Leslie Bethell). New York, Cambridge University Press, 1994, pp. 253-325.

11. McSherry J.P. Chile 1960s: Intertwined Revolutions in Music and Politics. *Global 1968: Cultural Revolutions in Europe and Latin America* (ed. by James McAdams, Anthony P. Monta). Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2021, pp. 261-288.
12. Touraine A. The Post-Industrial Society Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. New York, Random House, 1971, 244 p.
13. Barr-Melej P. A '68 Chileno? Politics, Culture and the Zeitgeist of '68. *Global 1968: Cultural Revolutions in Europe and Latin America* (ed. by James McAdams, Anthony P. Monta). Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2021, pp. 385-415.
14. Бевинс В. Метод «Джакарта»: Антикоммунистический террор США, изменивший мир. М., Альпина нон-фикшн, 2023, 440 с. [Bevins V. Metod «Dzhakarta»: Antikommunisticheskiy terror SSHA, izmenivshii mir. [The Jakarta Method: Washington's Anticommunist Crusade & The Mass Murder Program That Shaped Our World]. Moscow, Alpina non-fikshn, 2023, 440 p.
15. *El Siglo*. Santiago, 13.10.1970.
16. *Puro Chile*. Santiago, 14.10.1970.
17. *El Mercurio*. Santiago, 12.10.1970.
18. Parrini V. "Miguel Angel Sola: El regreso del líder perdido". *Revista Paula*, 27.10.2012. Available at: <https://www.latercera.com/paula/miguel-angel-solar-el-regreso-del-lider-perdido/> (accessed 09.11.2023).
19. Marín P. "Joaquin Fermandois: Se produjo un golpe porque había un objetivo no democrático, una situación imposible". *La Tercera*, 15.07.2023. Available at: <https://www.latercera.com/la-tercera-domingo/noticia/joaquin-fermandois-se-produjo-un-golpe-porque-habia-un-objetivo-no-democratico-una-situacion-imposible/2C4YQSK5LVGZXPAAU VQXJCMOHFQ/> (accessed 09.11.2023).
20. *La Nación*. Santiago, 12.10.1970.
21. González M. "Inédito: la entrevista completa que Mónica González le hizo a Robert Thieme para el libro "La Conjura", *Ciper Chile*, 04.10.2023. Available at: <https://www.ciperchile.cl/2023/10/04/inedito-la-entrevista-completa-que-monica-gonzalez-le-hizo-a-roberto-thieme-para-el-libro-la-conjura/> (accessed 09.11.2023).
22. Guzmán J. Escritos Personales. Santiago, Editorial JGE Ltda., 1993, 199 p.
23. Huntington P.S. Political Order in Changing Societies. New Haven, Yale University Press, 1973, 263 p.
24. Mattelart A., Mattelart M. Juventud Chilena: Rebeldía y Conformismo. Santiago, Editorial Universitaria, 1970. p. 335.

Vadim K. Musin (vadimusin@rambler.ru)

1st year master's degree student, Faculty of History of the Russian State University for the Humanities

Miusskaya sq. 6, 125993 Moscow, Russian Federation

The article was carried out within the framework of the RSUH project "The impact of the Cultural Revolution of 1968 on the modern political history of Brazil, Argentina and Chile" ("Student project research teams of RSUH").

Rupturism as a socio-cultural process in Chile in the late 1960s — early 1970s

Abstract. In the late 1960s, student protests took place in many countries of the world, which later became part of the Cultural revolution of 1968. This article analyzes the Chilean version of the Cultural revolution — rupturism, which significantly influenced the entire subsequent history of society. Based on interviews with witnesses, as well as newspaper articles, it is concluded that rupturism is largely a mental generational conflict that led to the division of society into supporters of the old value coordinates and the new ones.

Key words: Chile, cultural revolution, Long '68, student movements, rupturism.

DOI: 10.31857/S0044748X24020082

Received 23.06.2023.